

Аѳинскій націонализмъ и зарожденіе идеи мірового гражданства.

Эллинъ и варваръ въ аѳинскомъ сознаниі.—Геродотъ.—Национализмъ Еврипида.—Пути, по которымъ входили въ сознание элементы космополитизма.—Односторонность взглядовъ Пельмана и Виламовица.—Демокритъ и Гипсія. Освободительная сила словъ. Проверка терминологіи.—Практическія недоумѣнія.—Еврипидъ и увлеченіе его новѣйшаго изслѣдователя.—Чѣмъ, дѣйствительно, содѣйствовалъ Еврипидъ росту идеи мірового гражданства?

И искусство, и мораль конца пятаго вѣка Аѳинъ въ общемъ остаются строго національными. Для аѳинскаго сознаниа міръ все еще рѣзко дѣлится на эллинскій и варварскій. Первый предполагаетъ личную свободу, законность и развитой языкъ общественной жизни и литературы; второй—варварскій, азіатскій,—сплошь состоитъ изъ рабовъ, среди которыхъ не рабъ только одинъ тотъ, передъ которымъ въ данную минуту рабы—все остальные, т. е. деспотъ. Даже Киръ младшій, и при томъ для Ксенофонта,¹⁾ не болѣе, чѣмъ рабъ, не смотря на свое высокое положеніе, хотя въ словахъ его нѣтъ и тѣни укора, конечно. Аристотель тоже различаетъ въ человѣчествѣ элементъ подчиненный по самому существу (τὸ ἀρχόμενον)—рабскій, сопоставляя его съ другимъ, также отданнымъ во власть сильнѣйшему самой природой, т. е. женскимъ.

Хотя понятія о прекрасномъ и должномъ и являются у грековъ, по общему правилу, въ неизмѣнно-національной окраскѣ, но происходитъ это не вслѣдствіе того, чтобы эллинское предпочиталось всемірному, а лишь потому, что все эллинское мыслилось тогда единымъ природно-свободнымъ. И это не было только ограниченностью или недоразвитостью сознаниа. Свобода, нѣкогда завоеванная, и съ тѣхъ поръ чуть-ли не непрерывно защищаемая, усиливаетъ въ глазахъ

¹⁾ Xen. An. I, 10, 29; II, 6, 38; ²⁾ Arist. Pol. I, 2. pg. 1232.

грека, и особенно афинянина, цѣнность эллинизма. Только свободный можетъ быть благороднымъ и счастливымъ. Рабъ—непремѣнно трусливъ и несчастенъ—и для двухъ этихъ качествъ у грека даже находилось одно общее слово δειλός. Несчастный фригіецъ въ „Орестѣ“ дрожить отъ страха при одномъ видѣ меча, которымъ играетъ царица, хотя жизнь его для окружающихъ не имѣетъ никакой цѣнности. А гречанка Ифигенія, при подобныхъ же условіяхъ, т. е. сознавая, что одинъ свободный эллинъ стоитъ „десятка тысячъ женскихъ жизней“ умираетъ героиней, и при томъ умираетъ за самый принципъ свободы, въ чаяніи, что надменный варваръ, въ виду разрушенной Трои, уже не посмѣетъ болѣе красть свободную гречанку. Все дѣло лишь въ томъ, что въ ней кровь эллинскихъ царей, а фригіецъ—рабъ. Геродотъ сдѣлалъ противоположность двухъ міровъ—эллинскаго и варварскаго основной *мыслью* своихъ „Музъ“, хотя путешествія должны были, повидимому, расширить его горизонтъ, ознакомивъ іонійца и съ административно-финансовой системой персовъ, и съ халдейской мудростью, и съ блескомъ лидійскаго преданія, и съ древнимъ благочестіемъ Египта. Но дѣло въ томъ, что Геродота сдѣлали историкомъ именно Афины, а этотъ городъ въ пятомъ вѣкѣ сумѣлъ придать идеѣ эллинизма еще небывалый дотолѣ блескъ. Городъ сталъ „Элладой Эллады“. Но это то именно представленіе объ Афинахъ, какъ центрѣ эллинскаго міра, культивируясь въ сознаніи герольдовъ этого города, и обѣщало въ будущемъ идею міра уже не только эллинскаго, но и всеобъемлющаго: дѣло въ томъ, что съ самаго начала центръ Эллады заявилъ себя чуждымъ всякой исключительности.

Не надо удивляться поэтому, что Еврипидъ, при всей склонности его къ экзотизму и несмотря на философскую просвѣщенность ума, былъ, какъ разъ, наиболѣе аттическимъ изъ трагиковъ ¹⁾.

Миѣны самые разнородные онъ старательно вводитъ въ соприкосновеніе съ міромъ афинскимъ. Иные мотивы, если они только клонятся къ чести афинскаго имени, Еврипидъ проводитъ на сцену даже по нѣскольку разъ, какъ бы съ особой любовью: напр. о судѣ надъ Орестомъ въ афинскомъ ареопагѣ у Еврипида упоминается трижды, и это только въ его уцѣлѣвшихъ пьесахъ ²⁾. Среди уцѣлѣвшаго репертуара четыре трагедіи цѣликомъ принадлежатъ афинской мифологіи:

1) См. интересную диссертацию: Emil Ermatinger, Die attische Autochthonensage bis auf Euripides. Berlin 1897, S. 27 ff et pass.

2) El. 1254 sqq.; Iph. Taur. 942 sqq.; Or. 1648 sqq. Кромѣ „Андромахи“, можетъ быть, поставленной въ Аргосѣ, и „Вахханокъ“, написанныхъ въ Македоніи.

„Гераклиды“ „Умоляющія“ „Ипполитъ“ и „Ионъ“ Но вѣдь уцѣлѣло всего 19 пьесъ, даже, можетъ быть, восемнадцать; изъ тѣхъ же, которыя намъ извѣстны только по отрывкамъ, на долю Аттики надо отнести еще по крайней-мѣрѣ десять, а, судя по тому, что извѣстныя намъ не аттическія пьесы полны намековъ на Аѣины и ихъ исторію, надо предположить то-же и относительно утраченнаго репертуара. Понятіе о человѣческомъ достоинствѣ, свободѣ и будущемъ человечества не могло, однако, и въ Аѣинахъ застыть на стадіи паннеллистической идеи. Даже въ культѣ были зерна космополитизма, и они рано дали ростки въ Элевсинскихъ мистеріяхъ. Не могла быть національной и наука.

Но прежде, чѣмъ выходить изъ предѣловъ эллинизма, остановимся немного на экономической сторонѣ вопроса. Аѣиняне, хотя и мнившіе себя автохтонами, всегда были „непосѣдами“: такими характеризуетъ ихъ и Фукидидъ, противопоставляя имъ спартанцевъ, въ качествѣ упорныхъ домохозяевъ¹⁾.

Аѣинянь гоняла по морю торговля, и вотъ именно эта-то возросшая на практической почвѣ „мораль купцовъ“, по мнѣнію Роберта Пельмана²⁾, еще задолго до „морали разума“ обусловила культъ мірового гражданства. Для этого историка приходится оставить еще подъ большимъ сомнѣніемъ, гдѣ собственно правильнѣе искать корней философскаго космополитизма: въ уединенной ли работѣ мыслителя надъ явленіями общечеловѣческими, или, наоборотъ, въ личныхъ опытахъ дѣловыхъ людей, которымъ приходилось имѣть дѣло съ правительствомъ.

Въ этомъ именно послѣднемъ смыслѣ очень характерно признаніе одного аѣинянина конца вѣка: „когда я былъ богатъ, то государство приказывало мнѣ тратить средства, а выѣзжать никуда мнѣ не позволялось. Зато теперь, когда я лишился заграничныхъ своихъ владѣній и здѣсь не получаю болѣе дохода съ земли, когда даже домашняя утварь, и та пошла съ молотка... О, теперь я свободный гражданинъ и могу уѣзжать или оставаться здѣсь, какъ мнѣ заблагоразсудится“³⁾.

Одинъ изъ аѣинскихъ ораторовъ начала четвертаго вѣка въ свою очередь упоминаетъ объ элементахъ аѣинскаго населенія, для которыхъ понятіе отечества опредѣляется лишь выгодой, отъ него получаемой: отечество ихъ тамъ, гдѣ ихъ капиталъ⁴⁾.

1) ἐνδημοτάτους: Thuc. I, 70, 4.

2) R. Pöhlmann. Socrates u. sein Volk. Münch. u. Leipz. 1899, S. 40.

3) Xen. Conviv. 4, 36 sq.

4) Lys. 31, 6: cf. R. Pöhlm. ad l. c.

Пельманъ отчасти правъ, и замѣчаніе его, прикрытое вопросомъ, во всякомъ случаѣ, очень интересно. И частыя сношенія съ иностранцами и дома, и за границей, и мораль купцовъ, и международность капитала, и разочарованіе при видѣ изнанки демократіи, да еще на собственномъ горькомъ опытѣ, — всѣ эти обстоятельства могли въ рядѣ поколѣній подготовить умъ къ сознанію или хотя бы воспріятію идеи космополитизма. Но отсюда еще не вытекаетъ необходимости обезцвѣчивать моментъ идейный, на счетъ экономического.

Наука есть всегда только наука, т. е. нѣчто совершенно несоизмѣримое ни съ личнымъ опытомъ, ни съ равнодѣйствующей изъ личныхъ опытовъ, въ видѣ мудрости пословицъ, морали купцовъ или смѣлости кровельщиковъ. Сама по себѣ мораль аѳинскихъ коммерсантовъ дала Риму *graciam fidem*, но и только. Религія и наука развивались рядомъ съ нею, и отчасти изъ нея, но лишь, какъ изъ почвы, а отнюдь не какъ изъ зерна.

Противоположная крайность нравится мнѣ не болѣе, чѣмъ сужденіе Пельмана. Идеи даже въ тѣсныхъ кругахъ растутъ очень медленно, и мысль философа становится иногда глубокой и цѣнной лишь послѣ того, какъ десятки поколѣній прошли черезъ его могилу. Вотъ почему я бы не рѣшился вслѣдъ за Виламовицемъ утверждать, что іонійскіе физики уже сознавали себя гражданами міра. „Иначе“, говоритъ онъ, „они никогда бы не отважились поколебать преданіе“.

Но если даже признать за іонійцами эту широту сознанія, ее едва ли не пришлось бы ограничить отрицательнымъ отношеніемъ къ вопросу.

Чувствовать себя внѣ прямой связи съ роднымъ городомъ и даже указывать, подобно Анаксагору анекдота, отечество свое на небесномъ сводѣ, еще не значить сознавать себя гражданиномъ міра: для этого человѣкъ прежде всего долженъ признавать то-же право за каждымъ, кто дышитъ и мыслить.

Лишь у Демокрита (родился около 460 года) и особенно среди софистовъ есть проблески, но только проблески космополитического сознанія. „Мудрецу“, говоритъ Демокритъ, „открыта (*βατή*) вся земля, потому что цѣлый міръ—отечество доброй душѣ“¹⁾.

Софисту же Гиппий изъ Элиды Платонъ вкладываетъ въ уста такія характерныя слова, хотя еще и въ эллинистической окраскѣ: „Вы присутствующіе, всѣ вы для меня—родные, братья и граждане. Потому, что равное самой природой сближается съ равнымъ, и одинъ грекъ

1) I. Stob. Floril: 40, 7.

всегда сродни другому—только учрежденіе (θέσις), этотъ деспотъ, многообразно распоряжается нами противъ природы“.

Вообще стремленіе разобраться въ понятіяхъ природы, съ одной стороны, и уклада закона, съ другой—должно было не мало содѣйствовать тому, чтобы въ сознаніи людей стали легче перемѣщаться перегородки, отдѣляющія одну человѣческую группу отъ другой.

Такимъ именно образомъ теряло въ умѣ людей одну изъ своихъ главныхъ опоръ преданіе, а съ нимъ и національность. Кромѣ философской мысли естественному росту понятій „о человѣческомъ“ и постепенному обновленію міросозерцанія должны были содѣйствовать и тѣ незамѣтныя перемѣны въ словарѣ, которыя заставляютъ человѣка, слушая и говоря, полусознательнымъ процессомъ подставлять одно понятіе на мѣсто другого.

Слово βάρβαρος еще не извѣстно Гомеру; точнѣе гомеровскій грекъ еще не нуждается въ немъ: съ него довольно вокабулы βάρβαρος φωνος, т. е. странно говорящій, непонятный. Но уже для читателя Илиады троянскій походъ есть общеэллинская борьба съ варваромъ. Для Геродота βάρβαρος еще значить только чужестранецъ, и онъ говоритъ, что египтяне прилагаютъ это слово ко всѣмъ не египтянамъ. ¹⁾ Но уже Аристофанъ употребляетъ слово варваръ въ смыслѣ порицанія: грубый, похожій на варвара. ²⁾ Это показываетъ, что въ послѣднюю четверть вѣка слово βάρβαρος уже получило метафорическую гибкость, которая подсказывала людямъ возможность иного дѣленія, кромѣ того, которое было завѣщено Гомеровскимъ преданіемъ.

Рядомъ съ полусознательнымъ перебоемъ въ значеніи словъ идетъ сознательная провѣрка словъ, уже какъ терминовъ. Такъ Платонъ обличаетъ всю смѣхотворную неточность термина варваръ, которымъ обозначается нѣчто совершенно неопредѣленное, вслѣдствіе своей разносоставности, ³⁾ а для Исократы ⁴⁾ эллинъ есть уже всякій образованный человѣкъ, а варваръ, наоборотъ—нецивилизованный. Сама жизнь заставляетъ иногда сомнѣваться въ правильности принятаго дѣленія. Греки не знали, напр., и сами, куда-же надо, въ концѣ концовъ, причислить македонцевъ: къ эллинамъ или къ варварамъ?

И. Анненскій.

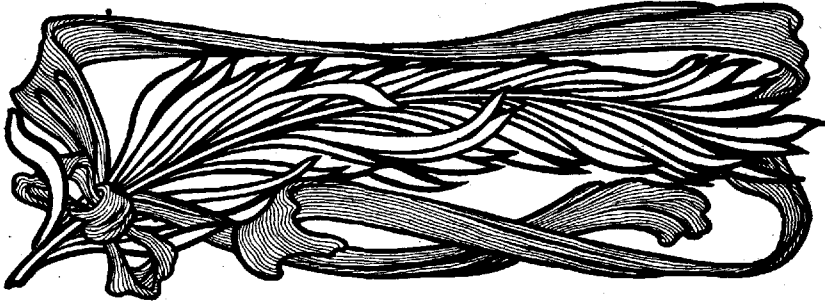
(Окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

1) Her. II, 158.

2) Ar. Nubes, 492: ἄνθρωπος ἀμαθὴς ὄντος καὶ βάρβαρος.

3) Politic. VI pg. 262 D.

4) Isocr. Paneg. 50

Аѳинскій націонализмъ и зарожденіе идеи мірового гражданства.

Окончаніе *).

Еврипидъ, столь чуткій къ идейнымъ вѣяніямъ и столь недовѣрчивый къ цѣнности традицій, завѣщаль намъ въ своемъ наслѣдїи, главнымъ образомъ фрагментарномъ, кое-какіе намеки на идею космополитизма. Но мы рѣшительно не вправѣ сказать, чтобы онъ до нея, дѣйствительно, доросъ. На любопытныхъ страницахъ, гдѣ несравненный изслѣдователь его поэзіи, Вильгельмъ Нестле, собралъ все сюда относящееся, ¹⁾ оказывается слишкомъ мало данныхъ для такого заключенія. Не будетъ-ли, на примѣръ, натяжкой объяснять космополитически такой отрывокъ изъ „Фазтона“?: „Повсюду отечество; это земля, которая кормить.“

Еще съ меньшимъ основаніемъ видитъ онъ міровое гражданство въ сентенціяхъ со смысломъ: *Ubi bene, ibi patria.* Такиими максимами могли пользоваться имперіалисты, но въ нихъ нѣтъ главнаго момента космополитизма, его идейности. Ближе къ дѣлу идутъ фрагменты изъ неизвѣстныхъ драмъ, ставшіе потомъ, кажется, крылатыми словами.

„Благородный человѣкъ, живи онъ хоть и далеко, въ чужой странѣ, будь онъ недоступенъ моимъ глазамъ, все же мой другъ“ ²⁾.

или

Весь воздухъ—дорога для орла.

Вся земля—отчизна для благороднаго мужа ³⁾

Здѣсь есть уже какъ бы нѣкоторое предчувствіе всемірнаго братства и исканія, а не оппортунизмъ во вкусѣ сентенцій:

*) См. Герм. № 1, 1907 г.

¹⁾ W. Nestle, Eur. d. Dicht, d. gr. Aufkl. 361 ff, 548 ff.

²⁾ Fr. 902, см. къ этому цѣлую лит. у А. Nauck. Tr. gr. fr. 2650 sq.

³⁾ Цит. у W. Nestle, l. l. с.

„Ubi bene, ibi patria“.

Мнѣ думается, однако, что у Еврипида были другіе, не сентенціозныя только, а болѣе художественныя начала космополитизма.

Я разумѣю воспроизведеніе случайно и несправедливо обездоленныхъ существованій. О женщинѣ я говорилъ въ другой главѣ. Теперь скажемъ о рабѣ ¹⁾.

Аѣины были крупнымъ невольничьимъ рынкомъ и, хотя рабы, по словамъ олигархическаго памфлета, не отличались тамъ отъ свободныхъ аѣинянъ даже одеждой и нерѣдко толкали ихъ на улицахъ, но все же положеніе рабовъ было тяжелое, и при случаѣ ихъ даже пытали, а невольничій жребій—это сдѣлалось общимъ мѣстомъ—считался и въ Аѣинахъ величайшимъ несчастьемъ. Рабскій трудъ, конечно, составлялъ одну изъ темныхъ сторонъ аѣинской демократіи въ нашихъ глазахъ. Дѣло въ томъ, что именно наиболѣе демократически настроенные элементы населенія особенно множили рабовъ въ Аѣинахъ. Свободный трудъ былъ почти недоступенъ мелкимъ промышленнымъ предпринимателямъ, между которыми едва-ли было много сторонниковъ олигархіи,—и благодаря именно этому городъ наводнялся индустриальными рабами... Еврипидъ принадлежалъ по рожденію къ другой, чаще побѣждаемой на Пниксѣ партіи аграріевъ, и съ этой стороны въ его поэзіи сохранился патріархальный взглядъ на раба, сравнительно болѣе счастливаго, вѣроятно, чѣмъ городскіе. Кормилица Федры или Медеи, дядька Агамемнона, къ которому Электра относится съ такимъ же почтеніемъ, какъ Креуса къ воспитателю своего отца, всѣ эти рабы являются близкими господамъ домочадцами, и отношенія между ними и семьей ихъ господина иногда трогаетъ насъ своей интимной жизненностью (см. особенно „Электру“). Но если вы взглянете въ добродѣтельныхъ и преданныхъ рабовъ, то увидите въ нихъ, кажется, еще болѣе страшное, чѣмъ у рабовъ комедіи, искаженіе чело-вѣческой природы. Они безпомощны и трусливы, не смотря на хитрость и наглость, и главное, они, драматически, безотвѣтственны. Не разъ драматургъ, чтобы освободить героиню (Федру, Креусу) отъ неприличнаго ей и обреченнаго на неудачу дерзанія, поручаетъ его рабѣй близорукости и угодливости. Пусть эти рабы не „живыя машины“ Аристотеля, все же даже лучшіе между ними—не полные люди. У нихъ нѣтъ ни славныхъ воспоминаній, ни будущаго, ни даже героической муки. И вчужѣ становится холодно отъ замѣняющаго ихъ кодекса рабской добродѣтели или притязаній рабской амбиціи. Я думаю, однако,

¹⁾ См. любопытный, хотя не вполне соответств. нашей цѣли и взглядамъ очеркъ Dr. Joh. Schmidt. Der Sklave bei Euripides. Grimma 1892. Progr. № 536.

что борьбу съ принципомъ рабства можно провидѣть отнюдь не въ идеализаціи „благороднаго“ раба, а въ мастерскомъ изображеніи „паѳоса порабощенія“. Андромаха, вдова Гектора, обращенная въ рабыню и наложницу и дважды лишаемая дѣтей; Гекуба — плѣнная царица, которая отказывается отъ помощи вчерашней служанки и зоветъ ее милой подругой,— вотъ что должно было въ сущности сильнѣе гномъ, выуженныхъ потомъ изъ поэзіи Еврипида его досужими поклонниками, направлять мысль къ сознанію незаконности рабства.

Благородная Поликсена въ рабскомъ одѣяніи, идущая на смерть,— лучше всѣхъ сентенцій въ мірѣ говорила и уму, и сердцу, и воображенію о томъ, что рабство не только можетъ, но и должно быть противно человѣческой природѣ.

Но все это лишь зыбкая почва впечатлѣній.

Глубокій паѳосъ Еврипида и трогательность его простой и такъ часто женственной рѣчи могли не разъ пошевелить въ особо чуткихъ умахъ слушателей его пьесъ еще крѣпко сидящую тамъ перегородку между свободнымъ и рабомъ, мужчиной и женщиной, эллиномъ и варваромъ, но до стойковъ было еще далеко.

Другое дѣло—Еврипидъ книги, Еврипидъ въ той потенціи, которою пользовались люди слѣдующихъ поколѣній.

Здѣсь его драмы, вмѣстѣ съ комедіями Менандра, и точно, стали „библіей космополитическаго эллинизма“, какъ нѣкогда этой библіей для эллинства народнаго являлись Иліада и Одиссея ¹⁾.

Но Еврипидъ тогда уже не думалъ,— это было не его время ²⁾.

И. Анненскій.

¹⁾ Th. Mommsen. R. Gesch. ²⁾ I, S. 918; cf. W. Nestle a. a. o. 550.

²⁾ Изъ книги: „Еврипидъ и его время“, готовящейся къ печати.